

Поэты нового века

*Заметки о молодом поэтическом пространстве
Ярославского края*

Кажется, совсем недавно опекун молодёжного ЛитО Герберт Кемоклидзе во вступительном слове к сборнику молодых ярославских авторов (Направления : Сборник поэзии и прозы. Ярославль, 2007) панорамно очертил контуры новой региональной литературы, завершив свой обзор так: «Молодые поэты и прозаики прокладывают широкую дорогу к своему читателю — встречайте!»

Звучало это оптимистично. Прошли пять лет. Нашли ли молодые авторы своего читателя? Велика ли аудитория новой прозы и поэзии? На эти вопросы непросто ответить. Сборники выходят, публикации случаются. В «Мере» появились подборки Сергея Баталова, Алексея Бокарева, Евгения Коновалова, Анастасии Орловой, Надежды Папорковой, Любви Сериковой... Но поэтический плацдарм, мне кажется, остаётся всё-таки очень локальным. Дорога поэтов к аудитории неширока.

В нашу, как говорят, непоэтическую эпоху в России много хороших поэтов и хороших стихов. Но очень мало признанных, отмеченных печатью известности поэтов, вошедших в литературу в последние 10—15 лет*. Хотя простора для творчества дано поэту с избытком: мы далеко ушли от стандартных требований к начинающим, и нет сегодня проблемно-тематических шаблонов, над поэтом нет цензора.

Возможно, дело в том, что поэт скорей всего уже не может рассчитывать на глобальный отклик. Слишком по-разному настроены сегодня социокультурные векторы потенциальной аудитории — как их объединить, творчески сфокусировать? Чем может заинтересовать людей новый поэт в современном обществе различий, субкультур? Круг его поклонников и симпатизантов поневоле мал.

Но, может быть, однако, суть проблемы ещё и в качестве личности в актуальной поэзии.

---

* Трудно сказать, когда кончается молодость. У современного поэта она не кончается вообще. Скажем, лет десять назад я предрёк поэтессе Вере Павловой скорое вступление в творческую зрелость. А она не послушалась и не спешила расставаться с очередной молодостью... Поэтому я буду брать здесь примеры довольно широко, хотя в душе всё же считаю, что после тридцати поэт должен измениться. И, наверное, нужно вывести за скобки этого разговора Тимура Бикбулатова, Надежду Кудричеву например, а тем более Олега Горшкова.

Многое сегодня меняется и в нашем понимании человека. Эстетика романтизма и вообще глобальная поэтическая традиция акцентируют единство творческой личности. Однако современный человек обычно уже совсем иной: он разбросан и расколот, состоит из имиджей и прикидов, отдаётся моде и меняет стиль. Ему трудно собрать себя, аккумулировать в завершённое и окончательное единство личности, которое можно подтвердить и за которое хочется держаться. Где-то здесь рождается впечатление непреходящей детскости — подвижной, гибкой, сумеречной незавершённости поэтического Я. По-своему этой проблемой так делилась Инна Черноволова, поэтесса из Некрасовского: «Сама себе вдруг стала незнакомая, / Как будто происходит раздвоение: / Вчерашней, той, быть продолжаю дома я, / А ты — моё второе измерение. / Мечусь я между жизнями раздельными — / То стремя без коня, то конь без стремени. / Иду вперёд мирами параллельными — / С тобой — в пространстве, без тебя — во времени. / Но я объять пытаюсь необъятное, / В одно соединить несовместимое, / Понять умом извечно непонятное, / Словами объяснить необъяснимое...»

И если зрелые поэты, по крайней мере, когда-то давно нашли себя и иногда даже слишком монотонно себя воспроизводят, то начинающие состоят из деталей, фрагментов, осколков. В их стихах бывает трудно найти и вытянуть какую-то нить общего смысла, генерального творческого, жизненного проекта.

Поэтическая концентрация настаивает в момент сильного чувства, большого переживания. И это получается даже у многих. Наверное, лучшее в молодой ярославской поэзии — любовная лирика, отпечатки тревожного сердца, отдавшегося остро пережитому чувству.

Хорошо это, к примеру, получилось у Олеси Михейко из Углича, которая умело прописывает перипетии стихотворного романа с неназванным возлюбленным: «...Я приеду к тебе и потребую память назад. / Обнимал на прощанье, дорога сквозь лес на вокзал. / И звёзды, которые как-то ты мне показал. / Гроздью. <...> Я приеду, не посмотрю, что у тебя жена, / Наверно для большей смелости

буду слегка пьяна, / Можешь поверить: я за тебя. До дна. / С другом...» Впрочем, она тут же снижает пафос: «На самом-то деле, я, в общем-то, не приеду. / Зайду за советом на всякий там случай к соседу. / Мы с ним это дело обкурим, подбросим монету. Нет, не приеду. / Как жаль. / Совсем не приеду».

Или ещё один пример. Любовь Страхова, поэтесса из Ярославля: «Острая тебя-нехватка. / Жгучее потебескучание. / Когда переписка — тряпичная заплатка / На пробоине! — хуже молчания. / Лучше бы и не знать — что да как. / Лучше бы потеряться в толпе, чем жить враньём, / И каждое утро тебя — дозированно и натоцак, / И каждый вечер — повторный приём...»

Но за пределом этой ситуации, этой кульминации существования, личностная и творческая мобилизация случается реже и впечатляет часто гораздо слабее.

Не отсюда ли, в порядке компенсации, — добровольное эпигонство, бесконечное хождение след в след за классиками Золотого, Серебряного веков, первой половины XX столетия... вплоть до обериутов, или даже до Михаила Щербакова и Веры Полозковой?.. Вообще, поэтическая традиция в России настолько богата, что создаёт для начинающего стихотворца целый мир, в котором можно остаться навсегда. Отзвуки той или иной традиции очевидны почти у всех молодых ярославцев; а иногда это не отзвуки даже, а чуть ли не рабство у традиционных интонации и вокабуляра, восходящих чуть ли не к лирике XIX века. При этом контакты с современной поэзией, современным литературным контекстом часто слишком случайны.

Есть и вещи, которых наши ярославские молодые поэты вовсе не умеют или не хотят. Они, как правило, не владеют иронией и самоиронией как способом жизнеописания ради дистанцирования от чуждой реальности и для рефлексии. Редкие исключения — Алексей Бокарев (о котором речь впереди) и Андрей Гужков с его тайным юмором и осмысленным косноязычием: «Я жить хочу в малиновом кусте / Я слушать песни иволги желаю / А в этой магистральной тесноте / Я типа не живу, а выживаю / Как князь произошедший из грязи / Счетов давнишних вспомнил реквизиты / И вызвал к жиз-

*ни призраки друзей / Но что мне их теперь в
ночи визиты / Назад назад кредит мой нынче
пуст / Для славы я мирской не вышел рожей /
Малиновый оставьте только куст / Да ивол-
ги хоть пеньё птички божьей».*

* * *

В современной молодой поэзии, где нет единого мощного потока и нет привилегированных направлений движения, — каждый определяется сам. Полюса тоже возникают стихийно.

Есть поэзия нервная и тревожная, та, что сильно обжигает или даже бьёт. Новый экспрессионизм в поэзии даже более отчётлив, чем в прозе. Вот как пишет о творческой мобилизации современного сочинителя Любовь Страхова (стихотворение «Поэтессе»): *«Отставить слюни, / сопли, цыпочка! / Гони слащавость и чихвость! / Начинка стихотворной выпечки — / Не майский мёд, а — рыба кость. / По чью гортань она топорщится? / Пусть каждый алчущий проглот / Подавится стихом и сморщится, / И кровью хавальник зальёт. / Не пичкать рифмами обвислыми, / Не выгибать строку дугой, / Удел твой — кровоточить смыслами, / Утешит кто-нибудь другой».*

Когда слишком трудно становится жить и дышать, хочется найти созвучие личным проблемам.

Возможно, это было бы бунтом. Возможно, это и было когда-то бунтом. Если вспомнить, именно на энергии бунта держалась стилевая общность литературных поколений второй половины XX века — «потерянных», «разбитых», «гневных», хиппи — и поколений стыка веков, таких, как иксеры, «teen spirit» и «провинившиеся», — в чём на изломе столетий видели результат «кризиса “материалистической” формы социокультуры» (Питирим Сорокин). Но современное общество, в сущности, уже крайне недирективное, суперпластичное, оно не создаёт сильных и явных препятствий на пути жизненной и творческой самореализации, чтобы против него восставать. Значит ли это, что в мире победила справедливость? Конечно, нет. Но острота противоречий сглажена общим рельефом доступного потребления. За-

претов мало. Плюрализм легитимирован. Вас поймут, особенно если вы поэт. Поэтому неприятие мира молодыми имеет сегодня слишком непрочную основу.

И вот взамен острой и сильной напряжённости переживания, продиктованной трудным вхождением в мир, в современной поэзии часто абсолютизируется раздёрганная экспрессионистическая нервность, выражающая смутную, невнятную неудовлетворённость жизнью, слегка форсированную богемную неустроенность, концептуальную бездомность.

Этими интонациями, если уж говорить о местной традиции, поэты в Ярославле пользуются лет двадцать (можно вспомнить посмертные публикации Светланы Корневой, говорить о заразной экспрессивности Натальи Ключарёвой и Тимура Бикбулатова). Сегодня к подобному экспрессионизму тяготеет, например, Сандра Калинина. Вот фрагмент её стихотворения «Побоксёрчее»: *«Дай-ка грушу мне побоксёрчее / Или как её? / Побоксёрче. / Мне бы выбить всю дурь и всё прочее, / Я ж, как порча! Всё только порчу! / Перезвонами, перерифмами / Заглаголила свою душу. / Я её под ребрами-рифмами / Прячу, прячу. Она — наружу. / А снаружи что? Ружья, рожицы, / Грязь безбожная, бог безбашенный. / Оттого-то мне так тревожится».* Разгон у Калининой обычно большой, а вот остановиться и подумать она практически не умеет. Впрочем, в последнее время поэтесса явно набирает силу и способна удивить.

Экспрессивно-болевым нерв молодой поэзии в крае очевидно сконцентрирован в брутально-анархических стихах, хлесткозвучных, Владимира Столбова, Андрея Стужева, Анастасии Вишневской... Это культивация существования на изломе, это жизнь как эксцентрическая клоунада, юродство, которым сопутствуют рваные струны гитары Аполлона Григорьева, примесь расхристанной небрежности, словесные вольности. Характерно, однако, что социальные акценты в этой поэзии у нас почти не звучат. Поэт не хочет быть «ассенизатором и водовозом», принимать на себя соцзаказ. Не замечен у него «некрасовский» возврат поэзии к открытому и сильно, на последней экспрессивной грани выраженному гражданскому пафосу. (Мо-

жет быть, я что-то пропустил? Тогда прошу ссылку...)

Да, так сложилось время, оно легло глухой складкой. И когда думаешь о молодых поэтах, становится немного жаль их. В их творческой биографии нет жизненного максимума. На нашей памяти в мире XXI века, в обществе, не случилось ничего судьбоносного, исторически сверхзначимого. А ведь уже традиционно принято считать, что поэту нужны бури и шторма, романтические потрясения, драматические осложнения... Возможно, что-то и начинает меняться, но поэтический резонанс этих перемен ещё не вызрел.

Современный поэт вынужден набирать вес помимо банального, мелкого, удобного времени за счёт сугубо личных ресурсов. А это не всегда получается. Бич стихотворцев — и тематическая, проблемная измельчённость, и монадность, самодостаточность молодого автора. Не нуждающееся в установлении диалогической связи самопредъявление может даже сопровождаться изобретением своего собственного поэтического языка. Это оборачивается не вполне членораздельной контекстуальностью, ключи к пониманию которой читателем не всегда предполагаются.

На последнем градусе эксцентрики можно, пожалуй, отметить переход субъективистского самовыражения в игру самодостаточными словами у Кирилла Галкина или у Владислава Шашкина. «*Экстремистов экстра-класса / Экстрадируют, / Эксклюзивные экстракты / Экспонируют... Экстремальный экскаватор / Экспертируют, / Экстенсивный эксгуматор / Экспортируют...*» — безумная последовательность принципа, приёма впечатляет, но она же и замыкает в свои рамки безвыходно, вот как в этом случае, где звуковая форма слова оказалась абсолютизирована вопреки любому смыслу.

* * *

...Есть и гармонически-умиротворяющие, сосредоточенно-созерцательные музы, посещающие «тихих лириков». Им нет дела

до мусора и хлама исторического момента. Мне иной раз видится сомнительной попытка замкнуться стихами от мира, уйти в поэзию, как в монастырь, блюсти внутренние тишину, гармонию, тонкость и изыск, забывая о трудных и жёстких, страшных и подлых вещах внешнего мира. Но есть и за этим своя правда.

Вот Надежда Папоркова — замечательный медитативный автор, чей слух настроен на далёкое поэтическое эхо, а голос тих и часто робок: «*...Ей приснились белоснежные лошадки, / Убегающие в небо на заре. / Просыпаются деревья во дворе, / Их приветствия так бережны и кратки: / Всколыхнуть ветвями окон акварель*».

От Папорковой невозможно ожидать чего-то остро актуального, на злобу дня. Она уводит любую тему в пространство внеисторических коллизий, придаёт ей элегическое звучание, связывает с жёстко очерченным миром интимного чувства. Характерно, что свои юмористические, пародийные стихи, в которых Папоркова чувствует себя на редкость свободно, она, кажется, категорически не воспринимает всерьёз... А стихи эти ей удаются весьма, вот как это, парафольклорное, которое начинается так: «*У директора Веры Петровны, / Королевы арктических льдин, / Был беретик немного неровный, / Челка рыжая, зубик один...*» Между тем есть у неё стихи и драматического накала. Её постоянная тема — встречи и разлуки. «*Как безнадежно тепло в этой комнате — / Это смиренья родное тепло... / Так вот и хочется: «Помните, помните?» — / Спрашивать, глядя в стекло. / Если ты можешь летать, то не двигайся. / Знаю, сейчас позовут тебя все / Стороны света. Но пасмурный выдался / Вечер, умытый в росе. / Всё это может пропасть и не встретиться, / И не присниться — лишь дверь отвори... / Здесь замирает мой голос. Но светится / В сердце — полоска зари*».

Драматическая сгущённость характерна и для стихов недавно перебравшейся в Ярославль Кристины Эбауэр. Притом её роман с жизнью не выговорен до конца. Обстоятельства, которые стоят за переживаниями, как правило, неочевидны. Но есть в этом романе

какая-то серьёзность и значительность. «Немыслимо хочется камнем по голове, / Чтоб внутренний мир перевёрнут был и надтреснут. / Я каждый бесцельный день ощущаю вес / И только сегодня отчётливо бестелесна. / Невидима на невиданной высоте. / Не выжжена словом между твоих лопаток. / По щиколотки во времени, как в воде, / Готовая жить и падать, / Не зная куда, как долго, как глубоко...» Интересный и глубокий поэт появился на горизонте.

Пожалуй, удачнее многих сочетает зоркую наблюдательность с острыми переживаниями Евгений Коновалов. Он пытается передать душевную пульсацию не посредством вздохов и причитаний, не истерической возгонкой, а сгущением образа, извлечённого из жизненного опыта. В его стихах есть подчас неожиданное богатство смыслов, далековатых ассоциаций, есть свидетельства о культурном багаже опытного путешественника не только вдоль рифм, но и по эпохам и мирам человечества.

Иногда это получается отлично, иногда не совсем убеждает. Иной раз Коновалов впадает в квазифилософическую нечленораздельность.

Драматическая ёмкость стиха при лёгкости тона подкупает в поэзии Алексея Бокарева. Вообще-то в поэзии, как и в жизни, нужны абсолюты, стоящие на горизонте. Не обязательно сразу Бог, это слишком искушает и, пожалуй, требует особого и длительного жизненного опыта. Бокарева ударило конечностью человеческого бытия и неизбежностью обрывов коммуникации: «в окне полоска неба уже / к тому же застлана листвой / что ветром движима к тому же / с утра болею головой / ушли вчерашние подружки / нет сил подняться от подушки / на кухне радио поёт / о том что всё пройдёт / а я не то чтобы не верю / ему меня совсем не то / смущает если в эти двери / войдёт в потрепанном пальто / и скажет алексей сегодня / и я ему отвечу вот я / как библии любой герой / адам иаков ной / что здесь останется помимо / отсутствия меня (светло / вверху где небо проломило / окно и

в комнату вползло) / неужто то же стол и койка / в лицо холодный воздух колко / и радио посмеет спеть / что это вправду смерть».

В стихах и Коновалова, и Бокарева есть та предметность, та конкретика времени и места, которой недостает многим их ровесникам. Бокарев: «Лучше быть никем, чем не быть совсем, / лучше мять ногой неокрепший лёд. / Лучше ехать вдаль, даже если пуст / навсегда вагон, лучше целовать / на стекле оставленный оттиск уст, / чем твой облик в памяти вызывать». Коновалов: «Так лайка кувыркается в снегу / октябрьском, свежеевыпавшем, недолгом! / ...Опомниться от жизни не могу, / слюбиться с ней, стерпеться втихомолку... / Заплёванный автобус. Карапуз / кричит взахлёб — бамбошка набок слезла, / и шею колет шарф. Не плачь, не трусь / ни пьяных дембелей перед подъездом, / ни двух старух у мутного окна, / так увлечённо хающих Чубайса. / Ты на руках у матери, она / баюкает тебя — так улыбайся / сквозь морок там, где остаётся петь / младенца, лайку, смерть».

По-своему к предметности приходит Анастасия Орлова — пожалуй, лучшая из молодых поэтов в крае, пишущих для детей...

Что даст нам второе десятилетие века? Как раскроются в зрелые годы те, кто сейчас на пороге тридцатилетия или моложе? Увидим. В наступивший «фестивальный период русской словесности» поэты (в отличие от прозаиков) имеют возможность выходить непосредственно к читателю, точнее — слушателю, вступать в живой контакт. Есть уже более-менее фиксируемые точки такой встречи: межрегиональный фестиваль современной поэзии «Логорифмы», Васильевский конкурс, недавно — фестиваль актуальной поэзии и малой прозы «См. выше»... Есть поэтическое пространство интернета. Молодых ярославских стихотворцев регулярно привечают и на форуме молодых писателей России и зарубежья в Липках. В современном поэтическом половодье они вместе и каждый из них врозь ищут свой маршрут, своё слово. И даже иногда находят.

Евгений ЕРМОЛИН